

СЕКЦИЯ 5

«КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

СОДЕРЖАНИЕ

МИР КУЛЬТУРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕЛЕСНОГО Барабошина Н. В., кандидат философских наук, Генералова А. В	424
ОБЩЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО БRENDA «ПЕРМЬ – 300 ЛЕТ НА КАМЕ» Баяндина Н.П., кандидат исторических наук.....	427
СЕРВИС В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ Володина А.А., бакалавр, Скопинцева Т.Ю., кандидат философских наук, доцент	434
О СУЩНОСТИ ДИХОТОМИИ «БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ ТРАДИЦИЯ» КУЛЬТУРЫ Мухамеджанова Н.М., доктор культурологии, доцент.....	439
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА Орлова Е.В., кандидат философских наук	446
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА Скопинцева Т.Ю., кандидат философских наук, доцент	453
ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ МУЗЫКИ Шейбак В. В., студент, Парусимова Я. В., кандидат философских наук, доцент	458

МИР КУЛЬТУРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕЛЕСНОГО

**Барбошина Н. В., кандидат философских наук
Генералова А. В.
ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России, г. Самара**

Если человек – только телесное существо, то смерть есть конец чего-то ничтожного. Если же человек – существо духовное, и душа только временно жила в теле, то смерть – только перемена.

Л.Н. Толстой

Классическая культурология традиционно определяет себя через дихотомию духовного и телесного. Большинство концептов данной науки, такие, как цивилизация, ценности, культурное наследие и многие другие, призваны еще больше подчеркнуть данную оппозицию. Вопрос о соотношении тела и духа лежит в основании анализа основных культурных феноменов, исторических моделей культуры. Сама логика социокультурного развития предстает как процесс преодоления телесного и утверждения духовного в человеке. Неклассическая культурология предлагает осмысление тела в аспекте телесного, как совокупности ментальных состояний, личностных характеристик (субъектность, гендерная идентичность, копинги, когнитивные стили), отношений (Я – Другой). Можно говорить о том, что в аспекте телесного, тело служит механизмом включения человека в культурную среду, но, с другой стороны, именно тело, отделяет человека от мира культуры, устанавливает границы (условия, правила), которые создают ощущение инаковости, неповторимости, уникальности каждой ситуации «Я» в мире культуры. Границы эти не только пространственные и функциональные, но, главным образом, сущностные.

Некрасова Н.А., Горяинов А.А. выделяют четыре основных подхода к проблеме человеческой телесности [1, с. 21]. Первый подход связан с представлением о главенстве тела по отношению к душе. Такой подход легко проследить в работах З. Фрейда. В работе «Я и оно» Фрейд рассматривает тело как источник влечений, это тело как источник сексуального – тело наслаждается и страдает, оно несет не себе отпечаток травмирующего опыта детства и отвечает за созревание психики. Культура – это способ воспитания, подчинения и формирования дисциплины тела. Фрейд делает вывод: «Я, прежде всего – телесно; оно не только поверхностное существо, но и само – проекция поверхности» [2].

Создатель философской антропологии М. Шелер отстаивает примат души по отношению к телу: теперь тело не «простой сосуд», а способ приобретения индивидуальности, которая отсутствует у животных. Шелер считает, что животное является пленником своего тела, только так животное может воспринимать окружающий мир, а человек способен превращать этот мир сопротивляющихся вещей в мир, который преодолел «притяжение» тела, открыл для себя мир «вечных сущностей» – надежды, любви, ненависти [3, с. 32].

В теории дуализма Декарта, Спинозы, Лейбница проблема человеческой телесности осмысливается как проблема взаимосвязи души и тела. Существует потребность ответить на вопрос, почему в мире культуры, в мире протяженных вещей, человеческое тело может действовать разумно. Следует отметить, что эта проблема не была положительно решена в рамках картезианского дуализма. Мыслящее тело живого человека осталось загадкой для Декарта, а значит, нуждалось в Боге как самом авторитетном посреднике между субстанциями, который согласовывает их проявления в живом человеке [4].

С точки зрения современного подхода в изучении человеческой телесности, тело и душа не могут обладать статусом автономности и тем более первичности по отношению друг к другу. Тело служит самым надежным средством удостоверения человеческого бытия. Тело и душа – это взаимосвязанные начала единого человеческого существа, единой человеческой целостности. Говоря о сущности человеческого тела, М. Мерло-Понти говорит об особом чувственно-смысловом феномене, который задает основание любого сказанного слова и действия человека в мире. Тело – это точка отсчета не только опыта жизни, но и мысли (тело не только видимое, но и мыслящее). Окружающий мир видится Мерло-Понти как место опыта тела, при котором тело – эпицентр реальной и виртуальной активности человека. Тело – способ самоуверения себя в мире, поэтому как фундаментальная структура человеческого опыта становится объектом особой заботы со стороны человека. Другими словами, по мнению Мерло-Понти, человек нуждается в красивом и гармоничном (по его мнению) теле, поскольку оно определяет не только состояние сознания, но и задает контекст любой жизненной ситуации, формируя тем самым оригинальный смысл, передаваемый «другому» [5]. Таким образом, человеческая плоть – это чувственно-смысловой феномен, благодаря которому осуществляется рефлексия и конструируется ментальность человека. Именно тело позволяет человеку воспринимать мир, осознавать и принимать его.

Нагляднее всего изменение понимания человеческого тела как репрезентанта культуры можно проследить на примере современных арт-практик, которые все смелее и откровеннее демонстрируют тело (отдельные его органы, системы органов) как самостоятельные арт-объекты. Возникает ощущение пластичности всего телесного: любое тело теперь стало возможно перемоделировать. На сегодняшний день, когда пластические операции, операции по пересадке органов, перемене пола стали обычным явлением, художественные практики делают акцент на перформативном теле, которое поддается любой пересборке, зачатую не позволяя очертить границы отдельного тела. Появляются новые художественные направления (боди-арт – живопись на теле, спесиман-арт – создание образов из реальных частей человеческого тела и др.), где тело является «чистым» арт-объектом, а разнообразные действия над ним приобретает формат акционизма. Реципиент получает возможность поучаствовать в создании объекта искусства, стираются все границы между автором и аудиторией. Творец через тело как объект

посылает окружающим идею, а зритель участвует в непосредственном создании нового арт-объекта. При этом реципиент, которому представляется такая возможность, может быть, как холстом, так и материалом для произведения, и даже составным элементом произведения. Тактильность становится в один ряд с ментальностью в понимании искусства.

Исследования человеческого тела в медицине, физиологии и других естественных науках способствовали более глубокому постижению природы и сущности человека, обогатили представления о теле человеке новыми образами, проецируемыми на культурную картину мира. Анализ сложившихся философско-культурологических подходов к пониманию человеческой телесности позволяет критически осмыслить изменение культурной картины мира от древности до современности.

Список литературы

1. Некрасова, Н.А. Феномен человеческой телесности / Н.А. Некрасова, А.А. Горяинов // Современные проблемы науки и образования. – 2006. – № 1 – С. 21-23.
2. Фрейд, З. Я и Оно / З. Фрейд; пер. с нем. В.Ф. Полянского. – М.: Меттэм, 1990. – 56 с. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/freyd/ya_ono.php (дата обращения: 9.03.2020)
3. Шелер, М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Проблемы человека в западной философии. – М., 1988. – С. 31-95.
4. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
5. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб.: Ювента. – Наука, 1999. – 605 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО БРЕНДА «ПЕРМЬ – 300 ЛЕТ НА КАМЕ»

Баяндина Н.П., к. и. н.

**ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»**

В 2023 году город Пермь встретит 300-летний юбилей. К этому событию приурочен масштабный комплекс мероприятий, включающий реновацию и обновление городской среды, строительство инфраструктурных объектов и коммуникаций, формирование нового культурного кластера. В современной России сформировалось понимание алгоритма действий городских сообществ по проведению юбилеев как драйвера социально-экономического развития территорий. В течение последних лет в Перми активно обсуждаются планы по развитию города, нормативное регулирование и бюджетирование юбилейных мероприятий. Осуществлен запуск медийного информационного сопровождения 300-летия города. Формируются новые подходы к созданию и утверждению в массовом сознании обновленного бренда города, юбилейной риторики, торжеств, церемоний. В связи с приближающейся датой руководством Пермским краем и городом взят курс на подготовку организацию и проведение юбилейного года, разработан комплексный план «Пермь – 300 лет на Каме».

Статья посвящена исследованию исторических и общественных аспектов юбилея города и ключевого проекта «Пермь – 300 лет на Каме» (на начало 2020 года). Огромный массив информационных материалов по этой теме содержится в публикациях средств массовой информации, сети Интернет, социальных медиа, статьях научных конференций и исторических форумов. Поводы для общественных дискуссий генерируются в связи с различными изменениями планов, например, сменой губернатора в Пермском крае (январь, 2020 г.), изменением подходов к юбилейным мероприятиям на федеральном уровне (февраль 2020 г.), привлечением финансов и корректировкой бюджетных средств, реализацией первых этапов.

Тема проведения юбилейных городских торжеств как особого инструмента властных структур в проведении политических, экономических и социальных преобразований в регионах стала объектом научных дискуссий в начале XXI века. В статьях А. Г. Евтушенко подчеркивается, что юбилей города – не просто торжество и сохранение исторической памяти, это важный инструмент функционирования региональных экономик [1, с. 91]. Рассматривая политологические исследования С. В. Кулакова, Д. В. Визгалова, Н. О. Старцевой, М. В. Назукиной, Т. А. Атаевой и др. можно констатировать, что юбилеи являются мощным конструктором в формировании позитивной региональной идентичности. С. В. Кулаков отмечает, что причины заинтересованности политических элит субъектов РФ в проведении знаковых событийных мероприятий кроются «в легитимизации своего текущего

положения, закреплении политического влияния и обеспечения электоральной поддержки» [2, с.107].

Проведение юбилея города как институционального события, поддерживаемого на высоком государственном уровне, впервые зафиксировано на примере Петербурга. Инициатива отметить 300-летие Санкт-Петербурга была озвучена в 1991 году мэром А. А. Собчаком, попытавшимся обратить внимание на городские проблемы и собрать пожертвования для благоустройства. Президент В. В. Путин, возглавив государственную комиссию по подготовке 300-летия основания города, отмечал: «Юбилей Санкт-Петербурга – это повод вспомнить о величии России, об истоках этого величия». Празднование, состоявшееся в 2003 году, имело не только всероссийское, но и широкое международное значение для повышения статуса страны и города.

Примером успешного преобразования и создания обновленного бренда территории может служить многолетняя целеустремленная работа руководства и населения республики Татарстан по празднованию тысячелетнего юбилея Казани. Оставив за скобками спор историков о подлинности этой даты, согласимся, что праздник, отмеченный в 2005 году, стал самым успешным «историко-экономическим проектом» властей Татарстана. Была проведена работа по нормативному оформлению юбилея: указ президента РФ, постановления правительства РФ, действовала федеральная целевая программа подготовки к мероприятию, работала государственная комиссия. Общая сумма средств, привлеченных из федерального, регионального бюджетов и средств спонсоров, составила более 86 млрд. рублей.

В сентябре 2010 года состоялось празднование тысячелетия города Ярославля. Государственную комиссию по подготовке к празднованию возглавлял Д. А. Медведев, общий объем привлеченных средств составил более 27 млрд. рублей. Среди проведенных мероприятий нужно отметить реализованные масштабные инфраструктурные проекты, город получил современную дорожно-транспортную схему с новыми мостами, благоустроенную набережную, концертно-зрелищный центр, зоопарк, перинатальный центр, собор и другие объекты.

В таблице приведены сведения о проведенных юбилеях российских городов и затраченных финансовых ресурсах (в млрд. рублей), в том числе привлеченных из федерального бюджета [3, с. 20].

годы	2003	2005	2008	2010	2011	2013	2013
города	Санкт-Петербург 300 лет	Казань 1000 лет	Астрахань 450 лет	Ярославль 1000 лет	Иркутск 350 лет	Смоленск 1150 лет	Пенза 350 лет
Бюджет	60,0	53,7	27,3	26	6,1	16,6	11,8
В т. ч. из федер. бюджета	40,0	7,7	12,2	14,5	1,1	9,1	8,4

В настоящее время складывается практика тиражирования программ юбилейных торжеств, универсализации создания бренда территории. В 2023 году два крупнейших города Урала – Пермь и Екатеринбург – празднуют 300-летие. Приняты президентские указы, сформированы организационные комитеты, разработаны дорожные карты по подготовке и реализации юбилейных торжеств. Но у каждого города есть свои особенности и исторические предпосылки, требующие тщательной детальной проработки при подготовке юбилеев. Стоит задача формирования в обществе нового регионального бренда и изменения стереотипа в восприятии территории, сложившегося в сознании жителей города и российских граждан.

Символический образ Перми сформирован в общественном сознании, как старый промышленный город с огромной необустроенной территорией, не имеющий комфортного выхода к реке, обладающий стандартным набором проблем в жилищно-коммунальной сфере, располагающий недостаточным количеством спортивных и культурных учреждений для досуга миллионного населения. Часть исторической территории вдоль Камы занята промышленными складскими предприятиями и недоступна для горожан.

Еще в 2011 году губернатор Пермского края Олег Чиркунов (с 2004 по 2012 гг.) сформулировал девиз «У города должна быть мечта», внес в общественное сознание горожан предложение–консенсус: «...здесь, далеко не в лучшем климате, в одном из самых северных городов-миллионников мира, можно создать условия, при которых люди будут жить с радостью, с ощущением того, что они живут в правильном месте» [4, с. 198]. Действия его команды были нацелены на максимальную концентрацию городских проектов и культурных мероприятий, благоустройство и формирование условий для развития территорий. В пермском сообществе развернулась оживленная дискуссия об образе и месте Перми на карте России. Стартовала «культурная революция» как процесс поиска нового бренда территории.

Первые предложения по подготовке юбилея Перми прозвучали от регионального союза архитекторов, был сформирован список приоритетных объектов. В 2016 году был проведен конкурс среди архитекторов по комплексному преобразованию территории, получившей название «Первогород», где находится исторический центр – местоположение медеплавильного завода в долине реки Егошихи, а ныне завода им. Шпагина. Пермляки осознали, что прежде недоступная территория может стать местом притяжения, стартом в формировании нового образа родного города.

В 2017 году при встрече губернатора Пермского края Максима Решетникова (с 2017 по 2020 гг.) с президентом РФ Владимиром Путиным была высказана идея закрытия горнозаводской ветки железной дороги, идущей вдоль реки Камы и закрывающей проход к набережной. Предложено в зданиях завода Шпагина, расположенного в историческом центре города, сформировать культурный кластер. Это решение стало поворотным пунктом и основополагающей базой для последовательной разработки подробного плана действий. Идея была реализована, деятельность по подготовке юбилея города

стартовала. Согласно принятому в июле 2018 года указу президента РФ о праздновании 300-летия основания города Перми, органам государственной власти субъектов и органам местного самоуправления рекомендовано принять участие в подготовке и проведении будущего юбилея, создан организационный комитет. После смены правительства РФ со 2 марта 2020 года оргкомитет возглавил первый заместитель руководителя аппарата правительства РФ Валерий Сидоренко.

В настоящее время в Перми развернута масштабная работа по подготовке празднования 300-летнего юбилея и формирования образа современного города с удобной коммуникационной средой и комфортным общественным пространством. Масштабный проект «Пермь – 300 лет на Каме» разрабатывался больше года и был презентован в 2018 году на архитектурно-строительном форуме «Мегаполис будущего. Новое пространство для жизни». Основная цель проекта – вывести город к Каме, поскольку значительная территория вдоль реки занята промышленными предприятиями и недоступна для граждан. Исторический центр города ныне занимает завод Шпагина, где запланирован культурный кластер. Концепция предусматривает реконструкцию и строительство объектов: медиаофиса «Точка кипения» с кафе и лекторием (2 тыс. кв. м), мультижанрового пространства (3 тыс. кв. м), театра (2,1 тыс. кв. м для театра «У Моста»), краеведческого музея «Пермский период» (6,7 тыс. кв. м), фуд-молла (1,5 тыс. кв. м), креативного пространства (2,5 тыс. кв. м), пространства инженерных экспозиций (2,2 тыс. кв. м), Музея современного искусства (5 тыс. кв. м), Пермской художественной галереи (20 тыс. кв. м). В числе новых объектов планируется разместить новую сцену театра оперы и балета, летний кинотеатр, а также индустриальный парк. В целом, предполагается создание новой рекреационной инфраструктуры на стыке города и реки, которая свяжет исторические центры Перми XIX века и XX века, и сформирует новый центр XXI века. Кроме того, проект предусматривает реализацию ряда других инициатив: строительства микрорайонов Университетский, Порт Любимов, новых транспортно-пересадочных пунктов Площадь Восстания, Новая Мотовилиха.

Проект «Пермь – 300 лет на Каме» стал самой обсуждаемой темой года в пермском сообществе и был высоко оценен ведущими экспертами. Руководитель архитектурного бюро SPEECH Сергей Чобан отметил, что проект «Пермь – 300 лет на Каме» является настоящей стратегией, сценарием поступательного развития с упором на общественные пространства и существующие объекты. Президент Союза российских городов Андрей Максимов считает одним из самых вдохновляющих проектов по реконструкции региональных центров России. «Проект создан в духе основных идей, обсуждаемых на крупнейших мировых архитектурных и урбанистических площадках, а именно: идея компактного города, где в шаговой доступности есть вся необходимая инфраструктура. Переориентация в развитии города от окраин в центр – в духе самых передовых трендов» [5].

В итоге обсуждения городское сообщество пришло к консенсусу, что будущая реновация станет мощным инструментом преобразования города, хотя в проекте не расставлены акценты на этапы реализации, не внесены корректировки в градостроительный план, не определено бюджетирование процесса. К 300-летию Перми можно успеть преобразовать общественное пространство центральной части города и осуществить допуск пермяков к акватории реки, заблокированной промышленной зоной. Поскольку многие площадки находятся в частной собственности, обсуждается привлечение частных инвестиций в преобразование города. Владельцам предлагается не только выкуп земельных участков, но и стратегии управления владениями с последующим включением в культурное пространство.

Местные архитекторы и строители критически оценили инициативы властей региона. По примерным подсчётам архитектора Игоря Лугового, на проекты реновации городских территорий потребуется от 800 млрд до 1 трлн. рублей: «Если тратить по 10 млрд. рублей, потребуется 100 лет, призываю ограничиться тремя проектами: «Первогородом», сценой оперного театра и галереей». Заслуженный строитель РСФСР Михаил Плеханов удивлен тому, что в концепции преобразования города нет ни слова о третьем мосте через Каму. Критически оценил проект градозащитник Денис Галицкий, назвав «мега-дорогим» и посчитав единственным разумным его оправданием «выбивание» денег из федерального бюджета.

Привлечение средств федерального бюджета для дополнительного финансирования юбилея зависит от усилий краевого руководства. Профессор Юлий Нисневич заявляет, что при проведении юбилеев колоссальную роль играют лоббистские возможности регионов: «Такие празднования всегда касаются софинансирования. Сегодня достаточного ресурса нет ни у одного региона, кроме Москвы и Ханты-Мансийска. Поэтому без софинансирования федеральным центром провести такое мероприятие финансово невозможно» [6]. Пермский край с учетом экономической ситуации может получить из федерального бюджета примерно 600 млн рублей. Отметим, что на празднование юбилея Екатеринбурга местные власти планируют привлечь 87,8 млрд рублей, в том числе более 70 млрд рублей из федерального бюджета на развитие метро. Пока Пермь в конкурентной ситуации двух уральских городов-юбиляров проигрывает своему сопернику и не является фаворитом в глазах федеральной власти.

Резюмируя общественные дискуссии по подготовке 300-летия Перми, можно сформулировать некоторые итоги. Все проекты российских городов содержат, прежде всего, предложения по созданию комфортной среды и роста инвестиционной привлекательности территории. Инициатива властей Пермского края начать работу, которая потребует решения серьезных организационных и финансовых вопросов можно считать большим прорывом. Представленный проект «Пермь – 300 лет на Каме» разработан в русле мировых тенденций, подразумевает концентрацию городских планов и мероприятий, благоустройство исторических и культурных территорий,

инфраструктурное развитие. Урбанистический план стал главным инструментом конструирования позитивной повестки, стартом реализации региональной брендинговой стратегии. В общественном и информационном пространстве создана базовая платформа преобразования города, по многим вопросам завершены дискуссии, определены конкретные даты реализации этапов проекта. Сегодня, в первую очередь, реконструируется центр города как место притяжения для всех жителей, ведутся работы по благоустройству общественных пространств: капитальный ремонт парадной улицы города с обновлением фасадов всех расположенных зданий на нем, завершается реконструкция главного общественного пространства – эспланады.

Однако основной финансовый ресурс потребуется на создание культурно-рекреационного кластера на заводе Шпагина, который позиционируется как главный проект к 300-летию Перми. Кластер должен стать «культурным хабом» – пространством культуры и креативного, наукоемкого бизнеса, образования, платформы для развития социальных инноваций. Окончательный объем финансирования неизвестен, по объемам затрат и масштабу работ оценивается около 9,5 млрд руб. Строительство новой сцены театра оперы и балета, которое обсуждается в городе десятки лет и теперь запланировано к юбилейной дате, оценивается в 10 млрд руб. В связи с кризисными явлениями в российской экономике последних месяцев предпочтительным вариантом реализации проекта станет выбор приоритетного направления и максимальной концентрации ресурсов для его осуществления.

Таким образом, юбилеи стали своеобразной матрицей, алгоритмом действий региональных властей, городских сообществ по реконструкции и преобразению территории, привлечения дополнительных средств для ее развития и создания комфортной среды. Подобные мероприятия становились уникальным поводом для реализации лоббистских возможностей и применения креативных инициатив различных групп населения, заинтересованных в процветании города, мотивом для формирования обновленного бренда территории в русле современных тенденций и технологического уклада.

Список литературы

1. Евтушенко, А. Г. Юбилей российских городов как важный инструмент функционирования региональных экономик / А.Г. Евтушенко. – Вестник МГУКИ. № 3 (47), май–июнь 2012. С. 91–94.
2. Кулаков, С.В. Территориальный брендинг как инструмент формирования позитивной региональной политической идентичности / С. В. Кулаков // PolitBook. 2019-1. С. 101-115.
3. Коммерсантъ-Власть, 21.09.2015. – №37. – С. 20.
4. Чиркунов, О. А. Государство и конкуренция / О.А. Чиркунов. – М. Новое Литературное Обозрение. – 2012. – С. 240.

5. Коммерсантъ-Пермь. Эксперты Московского урбанистического форума высоко оценили проект «Пермь - 300 лет на Каме». – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3689873> (дата обращения: 19.07.2018).
6. Как крупные города РФ готовились к своим юбилеям. – URL: <https://newsnn.ru/news/society/19-11-2018/kak-krupnye-goroda-rf-gotovilis-k-svoim-yubileyam> (дата обращения: дата обращения: 19.07.2018).

СЕРВИС В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Володина А.А., бакалавр
Скопинцева Т.Ю., кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Скажем сразу же: типичный «советский человек» — бывший крестьянин, ставший городским жителем. Это человек традиционного общества, который раньше занимал место на нижних ступенях социальной иерархии. Он вступает в общество *Модерна* и создает своей жизнью советский *Модерн*.

Н.Н. Козлова [6]

Культура российского постмодерна – дитя советской культуры. Все перемены, свойственные российскому человеку, связаны с советской историей. Советская история, в свою очередь, имеет исторические корни в прошлом русской деревни. Отношение к миру и другому человеку, межкультурные взаимодействия, система обмена и оказания помощи (услуг) может рассматриваться только с учетом этого.

Современные изменения в российской культуре, складывающаяся экономика нового типа, мощное ориентирование на коммерциализацию культуры во всех её направлениях ставит проблему определения механизмов и инструментов новой культуры постсоветского типа. Признаки изменений на основе индустриализации, технизации, экономикоцентризма предполагают развитие новой отрасли – формирование разнообразных форм обслуживания человека и социокультурной системы в целом. С ростом производства и предложения товаров и новых способов их использования складывается новая отрасль хозяйствования – сервис. Это особая форма российской культуры, новый тип взаимодействия субъектов внутри социокультурной системы. Основа такого взаимодействия – служение (прислуживание), свойственное русской и российской культуре, и европейский тип обслуживания, характеризующий городскую культуру центральной Европы и Америки. Такой подход к анализу позволяет рассматривать сервис в культуре российского типа как коммуникационный процесс, результат взаимодействия европейской (американской) и российской (русской в основе, традиционной) культур обслуживания.

Основные термины и понятия, входящие вместе с новым содержанием, – это: услуга, качественное оказание услуг; потребители и производители услуг. Исходя из этого, мы рассматриваем *сервис* как новый тип культуры обслуживания относительно традиционной для России, русской, российской культуры прислуги, прислуживания, рожденной в культуре обслуживания высших сословий и в системе особых отношений взаимопомощи и взаимовыручки в культуре крестьянского типа.

Анализ новых терминов и понятий в современных словарях и энциклопедиях выявляет следующие трактовки:

1. «Сервис – то же, что обслуживание» [7];
2. «Обслуживание населения в различных сферах повседневной жизни (напр., гостиничный сервис, автомобильный сервис)» [4];
3. «Обслуживание населения – ремонт обуви, одежды, предметов быта, доставка на дом покупок, выдача различных справок, обслуживание владельцев автомашин и пр.» [2];
4. «Сфера обслуживания населения и совокупность учреждений по удовлетворению бытовых нужд и оказанию таких услуг» [3];
5. «Совокупность учреждений и мероприятий по обслуживанию населения в повседневных бытовых нуждах и созданию всевозможных удобств для него» [9];
6. «Любое мероприятие или выгода, которые одна сторона может предложить другой и которые в основном неосвязаемы и не приводят к завладению чем-либо» [8];
7. Услуга – это «действия, результатом которых является либо какое-нибудь изделие, либо тот или иной полезный эффект» [3];

ГОСТ «Услуги населению. Термины и определения» определяет *услугу* как результат непосредственного взаимодействия исполнителя и потребителя, а также собственную деятельность исполнителя по удовлетворению потребностей потребителя [1].

В процессе предоставления услуг осуществляется *потребление* – использование общественного продукта в процессе *удовлетворения потребностей* людей, где *потребление* – заключительная фаза процесса воспроизводства [4].

Услуга – это результат взаимодействия двух сторон – *потребителя* и *исполнителя*. Потребитель – пассивное начало в коммуникации «производитель – потребитель», человек, на которого направлено действие производителя и исполнителя (предпринимателя). Потребитель – это обычный человек, его жизнь становится частью производственной цепочки, где активное начало – предпринимательская деятельность. Исполнитель услуги – расчеловеченный субъект новой культуры – новый социокультурный институт, предприятие, организация или индивидуальный предприниматель [1]. В словаре В. Даля приводится пословица, в которой цепочка взаимодействия того, кто посеял хлеб, и того, кто садится за стол, на котором хлеб – главное блюдо, не разорвана, она располагается в социальной сфере: «Услуга, что хлеб-соль: дело взаимное». Два этих подхода должны соединиться в новой российской культуре обслуживания.

Пословица В. Даля раскрывает нам мир крестьянской культуры. Крестьянин в русской культурной традиции принадлежит коллективной истории русского крестьянства. След крестьянской культуры в истории России – это результат крестьянского труда. Социальная структурированность человека в культуре советского типа – это деятельность крестьянских

коллективов, подчинение правилам крестьянской организации жизни (коммуналка, бригада, землячество, т.п.).

Принадлежность к крестьянской традиции требует получения соответствующего статуса, положения в системе крестьянской общины. Сам термин «крестьянин» – это особый тип и особый стиль жизни человека. Русское крестьянство, как и крестьянство в культурах других народов, строится на основе семейного хозяйства, жизни на земле в согласии с природой.

В культуре России крестьянский тип культуры основан на традиционном, скрепленном обрядами укладе и достаточно низком социальном положении в социокультурной структуре страны. Для организации труда крестьянин использует мелкий инвентарь, а вся его деятельность направлена на поддержание своей жизни и жизни членов его семьи.

Включенность в государственную структуру требовала дополнительных, наложенных на него обязательств со стороны властей. Так, в оренбургской крестьянской традиции такой обязанностью для крестьянства стал «соляной извоз» – работа на Илецком соляном промысле.

В исследовании Ф. Броделя характеристика русского крестьянства имеет минимальную связь с культурой товарно-денежных отношений, с «играми обмена». Торговые, производственные, политические отношения русский крестьянин препоручал другим сословиям, другим народам. В культуре Оренбуржья на стадии её становления торговлю вели представители кочевых народов, осевших по пути следования торговых обозов.

По отношению к представителям экономической и политической власти крестьянство не проявляло активности. С. Лурье в исследовании российской культуры начала XX столетия отмечал, что при посещении деревень представителями властей крестьяне закрывались в своих домах, стараясь не выходить на прямой контакт. При этом торговый обмен, разделение хозяйства, трудовая миграция не являются абсолютно запретными для крестьянина. Однако и при использовании новационных для русской крестьянской традиции инструментов культуры (предпринимательства, торговли) крестьянин все свои силы направляет на поддержание семьи и семейного хозяйства, и его культура производства и потребления диктуется необходимостью поддержания собственной жизни и жизни своей семьи.

Отношения в крестьянской культуре, как и вся хозяйственная деятельность, подчинены традиционно определенным ролям, где вершину властных отношений определяет большак – старший мужчина в семье. Он управляет семейной собственностью, в которой нет распределения по долям в хозяйстве и никто не может потребовать «свою долю». В крестьянской семье нет понятия наследования, что говорит о состоянии товарно-денежных отношений. Особые отношения русского крестьянства и кочевых народов Евразии диктовались сложными условиями его жизни, отсутствием плодородных земель, рисковым типом земледелия и необходимостью вынужденного кочевья в поисках более плодородной земли. В определении Г. Вернадского русский крестьянин был крестьянином-кочевником, способным

менять место поселения, не горевать в случае утрат, естественных в условиях рискованного земледелия, и проявлять смекалку и творчество.

Крестьянская культура не предполагала выделение из группы, семьи, ролевой традиционной культуры. Это являлось полной противоположностью западной установке на соревнование и предпринимательство. Постоянное пребывание на грани природного и культурного мира, зависимость результата труда от природных условий формировали жизнь на грани выживания, мобилизационный тип сознания. Это обстоятельство способствовало выделению из крестьянского сообщества талантливых организаторов, проявивших себя в культуре русского города. В этих условиях формировалась культура городского производства-потребления и система услуг, обслуживания, сервиса. При этом ценности крестьянской культуры не могли оставаться в стороне.

Приток крестьянства в советскую культуру городского типа в первые десятилетия XX века происходил вследствие бедственного положения сел и деревень. С начала XX столетия, когда сельское население составляло более 80% из общего числа, к послевоенному периоду структура не могла существенно измениться. В анализе В. Чалохаяна [10] занятость городского населения 30-х годов XX века характеризуется следующим образом: лица свободных профессий; хозяева с помогающими членами семьи; помогающие члены семьи; хозяева-одиночки; лица, не указавшие своих занятий. Можно сделать вывод: в основе культуры советского типа лежала ментальность крестьянина, его отношение к организации жизни, производству всего необходимого для существования и поддержания жизни, система взаимодействия с властью и организация обмена товарами и услугами.

В российской культуре современное понимание *сервиса* в большей части подходов соотносится с областью техники. Понятие *сервисный* используется в значении – технически совершенный, дорогой, предполагающий более качественное, более полное обслуживание, гарантии, связанность с высокотехническими продуктами и товарами и дорогостоящим оборудованием. Такое понимание противоположно понятиям взаимопомощи и взаимовыручки, сложившимся в традиционной народной культуре. Доминирование личностных и социально обращенных факторов предполагает и особые формы организации и общения (что само предполагает личностные взаимодействия). На этой основе формировалась советская культура «блата». И сегодня наиболее благоприятное обслуживание в культуре российского типа предполагает знакомство, родство, общение. Этот фактор проявляется в специфике современной российской сетевой торговли, организованной в сетях Amway, Faberlik и др. Система коллективного общения в них занимает значительную часть времени организации продаж и систем организационных мероприятий.

Исходя из этого, можно предположить, что при организации сервиса, как особой культуры потребителей и производителей, важную роль может сыграть система межличностного и социокультурного взаимодействия, сопровождающая весь процесс организации системы обслуживания. В этой

организации важную роль могут сыграть традиционные инструменты, механизмы, образы и смыслы.

Список литературы

1. ГОСТ 50646-2012. Услуги населению. Термины и определения: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 ноября 2012 г. N 1612-ст. – URL <http://docs.cntd.ru/document/1200102288> (дата обращения: 20.04.2020).
2. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – СПб.: Норинт, 1998. – 1535 с.
4. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Рос. энцикл. – СПб.: Норинт, 1997, 1999, 2001, 2004. – 1456 с.
5. Завьялов, П.С. Формула успеха: Маркетинг / П.С. Завьялов, В.Е. Демидов. – М.: Международные отношения, 2006. – 305 с.
6. Козлова, Н.Н. Социально-историческая антропология / Н.Н. Козлова. – М.: Издательский дом «Ключ-С». – С. 45-62.
7. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс, 2009. – 1359 с.
8. Основы маркетинга: пер.с англ. / Котлер Филип, Армстронг Гари, Сондерс Джон, Вонг Вероника; общ.ред. Н.В. Шульпиной. - 2-е европейское изд. - М.: Вильямс; СПб.; Киев; , 2002. – 944с.
9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940.
10. Чалохаян, В.А. Изменения в социальной структуре городского населения Нижнего Поволжья в 1920-30-е гг. / В.А. Чалохаян // Вестник. – 2007. – №18(4) – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-v-sotsialnoy-strukture-gorodskogo-naseleniya-nizhnego-povolzhya-v-1920-1930-e-gg/viewer> (дата обращения: 20.04.2020).

О СУЩНОСТИ ДИХОТОМИИ «БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ ТРАДИЦИЯ» КУЛЬТУРЫ

**Мухамеджанова Н.М., доктор культурологии, доцент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»**

В современной гуманитарной науке существует огромное множество определений культуры, сформулированных в рамках разных направлений и школ наук о культуре. В большинстве из них культура представляется как некая целостная, непротиворечивая, интегрированная система представлений, взглядов, идеалов и ценностей, присущих тому или иному народу, группе, сообществу. Однако системность, целостность и интегрированность культуры носит относительный характер, что становится одним из важнейших факторов ее усложнения и развития. Культура – сверхсложная, динамичная и постоянно изменяющаяся система, включающая в себя множество самых разнородных феноменов, элементов, уровней. Даже на уровне «ядра» культуры сосуществуют противоречивые элементы, включенные в нее в разные периоды исторической динамики и взаимоисключающие друг друга. К таким культурам с «расколотым ядром» относятся, например, пограничные, «стыковые» культуры/цивилизации.

Таковыми элементами единой системы являются также большая и малая традиция культуры. Структурирование культуры на большую и малую традицию было введено в научный оборот американскими антропологами Р. Редфилдом и М. Сингером, получило в последние годы устойчивое признание в культурологической науке и используется сегодня многими учеными-гуманитариями для анализа соотношения различных уровней культуры/цивилизации и выявления их роли в социокультурной динамике.

Израильский исследователь Ш. Эйзенштадт [8, с. 138-139; 4, с. 94-106] объясняет возникновение данной структуры культуры с «осевым временем» [11], «осевыми революциями», охватившими в I тыс. до н.э. цивилизации Древней Греции, Древнего Израиля, Китая, Индии, а затем и исламский мир, и оказавшими необратимое влияние на историю всего человечества. Если в языческих религиях древности мир «иной» представлялся как продолжение и некое подобие мира земного, мира живых, то в монотеистических религиях «осевых» цивилизаций возникает представление об их четком разграничении; о существовании напряженности между ними, которое может быть преодолено перестройкой земных порядков в соответствии с некими представлениями о трансцендентном порядке. «Осевая революция» поставила перед человеком вопрос о путях преодоления данной напряженности, вопрос о спасении в веберовском смысле данного понятия – главный вопрос всех сотериологических религий.

Следствием таких кардинальных мировоззренческих сдвигов становится формирование социальных движений, ориентированных на преобразование существующих земных порядков, идеологизация общественной жизни,

возникновение религии, философии, метафизики, т.е. «того, что именуется интеллектуальной историей человечества» [4, с. 97], формирование разных групп с разной степенью близости к опыту разрешения трансцендентной напряженности – центра, формирующего большую традицию, и периферии – носителя малой традиции культуры.

Процесс формирования большой традиции происходит в условиях огромного разнообразия разнородных культурных и религиозных представлений и практик политеистического общества, в котором оформляется и утверждается новая монотеистическая религия. Кристаллизация новой религиозной доктрины идет путем отбрасывания прежних, возникших на предыдущем этапе развития цивилизации языческих элементов народной культуры, а также путем отсечения, «выбраковки» тех религиозных течений и практик, которые представляют собой идеологических конкурентов большой традиции. За пределами большой традиции оказываются различные языческие, эзотерические, магические, мистические, оккультные и т.п. представления и практики, составляющими весьма разнородный и объемный корпус малой традиции, реализующей «более архаический вариант культурного синтеза» [10, с. 162]. Характерное для зрелых цивилизаций размежевание двух традиций, а затем их непрекращающееся взаимодействие, становится источником социокультурной динамики, постоянного усложнения и обновления социокультурного пространства цивилизации.

Большая и малая традиция отличаются друг от друга как содержательно, идеологически, так и своими психологическими, стилевыми, общекультурными характеристиками. Большая традиция – это базовые, незыблемые основы религиозного учения и мировоззрения, характерные для духовной элиты общества и представленные в неких канонических священных текстах, малая традиция – это комплекс народных представлений и верований, неканонических сакральных текстов, ересей, культовых практик, которые официально отвергаются или принижаются. Большая традиция – ортодоксальное культурное пространство, освященное государством, малая традиция имеет внеортодоксальную природу. Большая традиция аналитична, системна, рациональна, в то время как малая традиция синкретична, бессистемна, иррациональна [9, с. 89-90]. «Если положения «большой традиции» рассматриваются как вера, то положение «малой традиции» – как предрассудок» [4, с. 345-346]. Говоря языком современной культурологии, большая традиция представляет собой высокий, специализированный, элитарный уровень культуры; малая традиция – мирской, народный уровень, определяющий характер повседневной культуры народа.

Хотя большая традиция стремится подавить, уничтожить или ограничить неортодоксальные элементы культуры, все феномены, попадающие в сферу малой традиции, оказываются достаточно живучими и востребованными сознанием масс. Фактором, определяющим жизнеспособность малой традиции, является ее способность выполнять такие функции и удовлетворять такие потребности, которые не могут быть выполнены и удовлетворены в рамках

большой традиции. Во-первых, как отмечает И.Г. Яковенко, ни одно из самых систематизированных и обстоятельных описаний универсума – философское, идеологическое, религиозное и т.п. – «не может удовлетворить всю совокупность экзистенциальных потребностей человека в истине о мире. И человек, и Вселенная шире любой доктрины. В силу этого фундаментального обстоятельства малая традиция с необходимостью дополняет большую» [9, с. 91]. Она охватывает и регламентирует все стороны жизнедеятельности верующего, определяя его взгляды на человека и общество, его отношение к жизни и смерти, природе и Богу.

Во-вторых, большая традиция слишком реалистична и рационалистична, она практически не содержит в своем вероучении мистики, магии, суеверий и других элементов, составляющих эмоциональную сторону любой религии и в силу этого необходимых каждому человеку. Их отсутствие компенсируется малой традицией с ее магическими обрядами и ритуалами, мистическими практиками, богами и духами и т.д. Кроме того, официальная религия является для человека скорее атрибутом общественной жизни и национальной культуры, нежели предметом личного выбора, личной веры. И в этом случае именно малая традиция позволяет человеку реализовать потребность в живой, искренней вере, дает ему возможность прямого, непосредственного общения с Богом, минуя такую опосредующую инстанцию, как церковь.

Взаимное сосуществование и взаимодействие двух традиций в культуре может осуществляться разными путями:

1) большая традиция терпимо относится к малой традиции и ее практикам как верованию невежественных масс;

2) большая традиция отрицает малую, борется с ней и стремится к ее ограничению или разрушению;

3) интеграция двух традиций через теологическую или философскую трактовку «истинного смысла» какого-либо инородного или языческого обычая, характерного для малой традиции [4, с. 346],

Характер взаимодействия двух традиций во многом определяется особенностями самой религиозной системы общества. Рассмотрим этот тезис на примере двух самых влиятельных религий мира: христианства и ислама, имеющих генетическую связь и типологическое сходство: «Обе они являются монотеистичными, а значит, в отличие от политеистических верований, не могут с легкостью принимать новых божеств, и обе воспринимают мир дуалистически – «мы» и «они». Обе являются универсалистскими, и каждая провозглашает себя единственно верной. Обе – миссионерские и основаны на убеждении, что их последователи обязаны обращать неверующих в единственно истинную веру» [7, с. 330].

Однако существуют и значительные различия в устройении самих религиозных систем, которые определяют специфику взаимодействия большой и малой традиции в исламской и христианской культурах. Так, ислам – одна из самых «дробных» религий, в которой сосуществуют, а иногда и ожесточенно борются друг с другом многочисленные направления, наиболее известные и

распространенные из которых – суннизм, шиизм, хариджизм, а также многочисленные секты (алавиты, друзы и т.д.). Кроме того, в рамках каждого направления существуют несколько правовых школ (мазхабов), в частности в суннизме их четыре: ханафитский, шафиитский, малакитский и ханабалитский. Однако все эти направления «укладываются» в каноническую традицию, большую традицию исламской культуры. В силу этого ислам – «не единая система, а мозаика накладывающихся друг на друга догматических школ и направлений, разных – в разных сферах религии, в разных функциональных элементах, система «застывшего плюрализма», ограниченного широкими рамками признания Корана, общих моментов обрядности и права. При этом сохраняется представление о том, что эти различия в той или иной мере – «нормальны» и ислам един» [2, с. 11], несмотря на все различия составляющих его элементов. В силу этого ислам оказывается более устойчивой системой, чем христианская.

Кроме того, ислам, в отличие от христианства, – «неинституционализованный религия», поскольку в ней отсутствует церковь как социальный институт, управляющий жизнью, деятельностью и поведением верующих; отсутствуют руководящие органы и обязательные для всех решения, отсутствует группа профессионалов, приобщенных к «абсолютной истине» и нетерпимо относящихся к любым отклонениям от этой истины [1, с. 18]. Любой верующий может высказывать свою точку зрения по религиозным вопросам при условии, что его индивидуальное суждение не противоречит Корану и Сунне. Именно этим может быть объяснена относительная терпимость ислама к существованию различных точек зрения, если они не навязываются силой и не ведут к дезорганизации общества.

Христианство же – единая система с организационно и доктринально единой церковью, система, каждый элемент которой согласован с другими. Поэтому в христианстве любое отклонение от церковной доктрины и практики оценивалось как раскол, ересь, покушение на основы религиозной веры, отрицалось и преследовалось. Так, некогда в период инквизиции были разрушены элементы дохристианских языческих представлений в народной культуре Запада: «Большая традиция, разворачивая наступление на языческую компоненту христианско-языческого синкретизма, переквалифицировала активных носителей языческого аспекта народной культуры – знахарей, местных колдунов, практиков народной медицины – в слуг Дьявола и развернула с ними борьбу на уничтожение. В результате устойчивые формы включения дохристианских религиозных представлений в мир народной культуры были разрушены» [9, с. 96].

Иначе осуществлялось взаимодействие большой и малой традиции в исламской культуре. Рассмотрим это на примере истории такого феномена в исламе, как суфизм. Суфизм – аскетически-мистическое направление, возникшее в исламе под влиянием христианства и буддизма. Для него характерно, с одной стороны, неукоснительное следование предписаниям мусульманской религии, с другой – стремление не умом, а сердцем познать

Вселенную в Боге, примат внутреннего духовного опыта над внешними формами благочестия, духовной иерархии над социальной, пантеизм, созерцательность и т.д. В суфизме многие исследователи видят своеобразный аналог монашества в христианстве и в то же время нечто, близкое к христианским сектам. Однако терпимость ислама, его широкое и в то же время формальное отношение к правоверию (суфии не отрицали Коран и шариат) дали суфизму место в исламской системе. Уже в XII веке суфизм «стал признанной частью религиозной жизни и даже религиозного знания» [4, с. 362]. Таким образом, происходит интеграция *элементов* большой и малой традиции в рамках одного направления, интеграция сунны и бида. О таком способе взаимодействия большой и малой традиции пишет Г.Э. фон Грюнебаум: «Соотношение двух культурных компонентов может получить интерпретацию как соотношение *сунны* – законной традиции пророка, и *бида*, т.е. непризнанного нововведения» [4, с. 346].

Какую роль играют большая и малая традиция в социокультурной динамике? Большая традиция обеспечивает стабильность, устойчивость и определенное единство культуры. Малая традиция в силу своей открытости, синкретичности, универсальности и неинституциональности становится источником разнообразных культурных мутаций, которые в определенных условиях, как правило, в условиях кризисной культуры, становятся идеологическими конкурентами большой традиции. Так, в начале XX века на почве усиления кризисных процессов в обществе у народов российской империи возникли реформаторские религиозные движения и новые религиозные системы. Одним из них стал распространившийся у нанайцев в начале XX века новый культ Хэри-Мапа – бога, прогнавшего (в силу их «неэффективности») старых богов [5, с. 180]. У алтайцев примерно в то же время, в 1904 году, появляется новая религия – бурханизм – своеобразный синтез монгольского буддизма и традиционного для народа шаманизма [6, с. 233-246]. Таким образом, малая традиция культуры оказывается своеобразным резервуаром культурных мутаций, обеспечивающих ее адаптацию к непредвиденным, резко изменившимся условиям окружающей среды.

Следует также отметить, что большая традиция – некий инвариант культуры, обеспечивающий ее единство и устойчивость. А малая традиция культуры – это бесконечный спектр самых разнообразных вариантов, возникающих как результат адаптации большой традиции к конкретным, локальным условиям окружающей среды: природно-климатическим, историческим, культурным и т.д. Такой малой традицией ислама стала культура мусульманских народов России, в частности Оренбургской области.

подавляющее большинство мусульман региона, как и всей страны, придерживаются суннизма ханафитского мазхаба – наиболее толерантной и либеральной правовой школы ислама. Изолированность местного ислама от «большой традиции» исламской культуры, его некоторая «вторичность», существование в условиях инокультурного и иноконфессионального (а в XX

веке – светского) государства, необходимость приспособливаться к специфическим природно-климатическим условиям, социально-экономическим и культурным процессам, происходящим в данном государстве, определили такие черты локального ислама, как сохранение в культуре исламских народов языческих ритуалов и обрядов, большая роль в религиозной жизни верующих суфизма, в большей степени отвечающего духовным потребностям кочевых и земледельческих народов; возникновение на рубеже XX-XXI веков джадидизма – культурно-религиозного реформаторства как результата адаптации исламских сообществ к процессам модернизации, происходящим в российском обществе; большая степень толерантности по отношению к приверженцам других конфессий и др. [3, с. 120-144].

Подводя итог рассуждениям о роли большой и малой традиции в динамике культуры, сошлемся на авторитетное мнение синергетики. С позиций синергетического подхода, главным условием развития культуры, возникновения в ней неравновесных состояний, ведущих к качественной перестройке всей системы, является непрекращающаяся борьба, соревнование двух противоположных тенденций: энтропии и негэнтропии, организации и дезорганизации, хаоса и порядка. И эти два начала представлены большой и малой традицией культуры, которые задают разнообразие и богатство культурной палитры общества, формируют ее как «сложную цветущую целостность» и определяют ее динамику.

Список литературы

1. Жданов, Н.В. Ислам на пороге XXI века / Н.В. Жданов, А.А. Игнатенко. – М.: Политиздат, 1989. – 352 с.
2. Ислам и общество (материалы «круглого стола») / Д.Е. Фурман, А.Б. Журавский и др. // Вопросы философии. – 1993. – №12. – С. 3-26.
3. Мухамеджанова, Н.М. Особенности самоорганизации этнических культур России в условиях модернизационных преобразований / Н.М. Мухамеджанова. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – 229 с.
4. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия: учебное пособие для студентов вузов / сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 556 с.
5. Токарев, С.А. Религия в истории народов мира. – 4-е изд., испр. и доп. / С.А. Токарев. – М.: Политиздат, 1986. – 576 с.
6. Филатов, С.Б. Алтайский бурханизм / С.Б. Филатов // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России / отв. ред. и сост. С.Б. Филатов. – М.; СПб.: Летний сад, 2002. – С. 233-246.
7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
8. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 416 с.

9. Яковенко, И.Г. Большая и малая традиция европейской культуры: к постановке проблемы. Статья 1 / И.Г. Яковенко // Общественные науки и современность. – 2005. – №4. – С. 86-99.

10. Яковенко, И.Г. Большая и малая традиция европейской культуры: к постановке проблемы. Статья 2 / И.Г. Яковенко // Общественные науки и современность. – 2005. – №6. – С.151-165.

11. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991.– 527 с.

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

**Орлова Е.В., кандидат философских наук
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»**

Модернизационные процессы, активно протекающие в обществе, глобализация, унификация, универсализация и т. п. – коренным образом меняют современное социокультурное пространство. В условиях стирания культурных границ, нивелирования социальных различий как результатов вышеозначенных процессов традиционные способы духовного и нравственного развития человека перестают отвечать требованиям и запросам современного общества. Как отмечает Д.В. Гатальский «В последние годы в связи с разрушением системы духовного воспроизводства российского общества и мировоззренческим вакуумом, в котором она оказалась, все отчетливее обнаруживаются симптомы кризиса идентичности, который в субъективном, личностном плане переживается как разрыв связей человека с социальным, культурным миром» [2, с. 26]. Такая ситуация требует переосмысления подходов к воспитательному, образовательному процессу, в рамках приобщения новых поколений к базовым культурным ценностям, лучшим нравственным качествам, способным создать ориентир для саморазвития и самообразования, задать вектор, определяющий смыслы жизни, мотивирующие человека на выработку определенных качеств, приобретение навыков и умений, которые будут востребованы в современных условиях.

Актуализация творческого, интеллектуального потенциала личности в ответ на вызовы времени, как представляется, возможна только в рамках формирования единой культурно-образовательной среды, ориентированной на интеграцию индивида в социокультурное пространство. Культурный и образовательный процесс, таким образом, должен быть выстроен с опорой на реализацию задач формирования активного субъекта, обладающего навыками анализа и понимания смысловых, ментальных, нравственных основ своей жизнедеятельности, как на уровне высших базовых ценностей, так и своей профессиональной компетентности. Включение в социокультурное пространство должно осуществляться на уровне понимания себя и как субъекта культуры, и как профессионала, вносящего свой вклад в реализацию экономического, политического, социального потенциала места своего проживания. На основании всего вышесказанного можно утверждать, что образовательный процесс в современных условиях не будет реализован в полной мере без включения в обучение социального и культурного компонента. Встает вопрос о формировании единого культурно-образовательного пространства.

Термин «культурно-образовательное пространство» чаще всего можно увидеть в работах педагогической проблематики. К примеру, на сегодняшний день существует множество исследований культурно-образовательного

пространства отдельного учреждения образования. Часто встречаются разработки в области культурно-образовательного пространства учреждений дополнительного образования. В границы культурно-образовательного пространства часто включают и всю систему образования в целом. Так, В.Д. Гатальский, анализируя социально-педагогическую систему современного общества, понимает культурно-образовательное пространство как «содержательно смысловой и пространственно-временной континуум, способствующий включению личности в ценностно-смысловой мир культуры, сохранению социальной личности и личностной самореализации» [2, с. 26]. По мнению автора, пространственный компонент образовательного процесса может быть актуализирован при помощи средового подхода. При таком подходе условия и возможности педагогического потенциала и выбор путей интеллектуального и духовного развития личности связываются с социально-культурной средой ее жизнедеятельности. Человек «преобразуя возможности социокультурной среды, конструирует ее новые смысловые фрагменты, инициативно расширяя границы своего индивидуального опыта» [2, с. 26].

Как представляется, расширение семантического поля понятия «культурно-образовательное пространство» и выход его за границы только педагогики обеспечивается именно средовым подходом. Сегодня исследуемое понятие активно входит в терминологический аппарат культурологов, социологов, философов, регионоведов и т.д. Появляется все больше работ, посвященных анализу культурно-образовательного пространства страны, региона, города. Так, И.Я. Мурзина разработала целостную концепцию культурно-образовательного пространства региона. В своей концепции автор немного уходит от анализа педагогического потенциала системы образования региона, делая акцент на культурных, метальных, смысловых характеристиках территории, определяющих образ жизни проживающего на ней населения. Актуализируя проблематику культурологического анализа регионального пространства, автор отмечает зависимость реализации духовного потенциала региона как от ментальных особенностей исторически проживающих на данной территории этносов и этнических групп, так и от жизненных устремлений и ценностных установок конкретной личности, реализующейся на данной территории [3]. В понимании И.Я. Мурзиной «культурно-образовательное пространство – сложно организованная реальность, в которой ключевыми компонентами выступают сферы культуры и образования, актуализирующие и транслирующие смыслы, созданные в процессе человеческой деятельности в регионе и определяющие идентичность жителей и их образ жизни» [3].

Средовой подход, обеспечивающий включение сфер культуры и образования в единую систему, обладающую большим научным потенциалом, позволяющим рассмотреть все аспекты формирования личности в условиях быстро меняющихся культурных и социальных ориентиров, выводит на первый план проблему исследования более частных, территориальных делений социокультурного пространства. Так, в последнее время все большую

актуальность приобретают разработки в области анализа различных аспектов существования города и городского пространства.

Большую работу в данном направлении проводит Р.Ю. Порозов. Ученый осуществляет системный анализ основных доминант культурно-образовательного пространства города. Отталкиваясь от таких характеристик городского пространства, как динамичность, многомерность, неустойчивость социально-культурных, коммуникативных связей, культурно-образовательное пространство города автор определяет как «динамическую (в том смысле, что динамически развивающуюся) целостность или структуру, элементы которой используются субъектами социокультурного процесса для трансляции и освоения актуального комплекса ценностей и смыслов [6].. Как следует из определения, в городском культурно-образовательном пространстве акценты смещаются, в первую очередь, в сторону актуальности транслируемых духовных и практических знаний. При этом хочется сделать уточнение, что определение наиболее актуального комплекса смыслов, нормативных, ценностных акцентов, выделяемых культурными и образовательными структурами, усложняется социокультурной, географической, экономической и т.п. спецификой отдельного города и городской культуры.

Каждый город представляет собой уникальный феномен, специфика которого уходит корнями в историю и культуру конкретного места обитания. В современных условиях ситуация усложняется усилением миграции, увеличением ее плотности в границах городской территории, урбанизацией, субурбанизацией, которые коренным образом меняют ключевые формы организации, структурирования и наполняют городскую среду новыми смыслами и задачами. Современный город многомерен и динамичен. Суть города, как сказано выше, определяется миграционными потоками, плотно окутывающими его пространство. Все это порождает неоднородность городского населения и образа жизни. В отдельном пространстве города концентрировано и единично представлена мозаика всевозможных этнических, конфессиональных, субкультурных, социальных объединений, существующих в ситуации постоянного взаимопересечения, взаимопроникновения в смысловое, ценностное, метальное поле друг друга. Реконструируя социокультурный образ города, исследователь сталкивается с проблемой выделения в городской среде универсальных характеристик целостности, однородности социокультурного образа жизни, отражающего уникальность городского пространства. Данная ситуация в свою очередь, влияет на качество культурно-образовательной среды, которая непосредственным образом зависит от степени проработанности и анализа специфических особенностей «портрета» города. В данном случае речь идет о конкретном, эмпирически исследованном социокультурном образе каждого отдельного города, характерные особенности которого зададут вектор формирования единого культурно-образовательного пространства города.

Как представляется, конструирование изучаемого явления невозможно без подробного, последовательного анализа специфики культурной и

образовательной среды города. Опираясь на разработки социокультурного пространства города, проводимого автором в статье «Социокультурное пространство: к определению понятия», специфику культурно-образовательного пространства города Оренбурга можно проследить на основе выводимых в указанной статье доминант городской социокультуры. К таковым автор относит: учреждения образования, СМИ, учреждения культуры и искусства, культурно-досуговые учреждения, центры народной культуры, интернет [5]. Правомерность выделения в структуре города именно этих институтов обосновано тем, что слаженностью работы указанных подразделений и определяются доминанты процесса образования в целях реализации задач повышения интеллектуального, нравственного уровня городского населения.

Основной целью данной статьи является постановка вопроса и обоснование необходимости формирования единого поля, в котором разворачивались бы коммуникативные взаимосвязи сфер культуры и образования, их качество и количество, ориентированные на все многообразие специфических характеристик социальных и культурных элементов, определяющих самобытность города. В связи с этим, рамки данной статьи не позволяют осуществить полноценный и глубокий анализ единого культурно-образовательного пространства. Как представляется, качественному анализу должен предшествовать разбор и определение конкретных характеристик каждой из указанных выше областей. Выявление основных доминант культуры города Оренбурга достаточно детально проведено автором в работе «Культурная сфера как фактор, определяющий образ города Оренбурга» [4], поэтому в данном случае правомерно остановиться на рассмотрении сферы образования г. Оренбурга и включении ее в культурно-образовательное пространство.

Итак, основными звеньями системы образования города Оренбурга являются дошкольные учреждения, средние образовательные школы и профессиональное образование. В городе Оренбурге насчитывается 152 дошкольных образовательных учреждения, 86 средних общеобразовательных школ, в том числе 8 гимназий и 9 лицеев, с общим числом обучающихся 60,9 тыс. человек. В системе школьного образования постоянно решаются вопросы повышения качества образовательных услуг. Министерство образования и науки России в октябре 2017 года представило рейтинг школ страны. В ТОП-500 лучших вошли шесть учреждений Оренбургской области – из Оренбурга и Бугуруслана. Областной центр в федеральном рейтинге представили сразу пять школ: Губернаторский многопрофильный лицей-интернат для одаренных детей Оренбуржья, Гимназия №1, Лицей №7, Лицей №5 и Физико-математический лицей [8]. Удовлетворение образовательных потребностей учащихся и их родителей обеспечивается за счет вариативности образовательных организаций и образовательных программ. В 29 общеобразовательных учреждениях Оренбурга осуществляется углубленное изучение предметов, в 67 – профильное обучение [7, с. 10]. Наблюдается постоянный рост показателей по

ЕГЭ. Так средний бал выпускников 11 классов города выше среднего областного показателя.

Отдельное место в городской культурно-образовательной среде занимают средне-специальные учебные заведения и высшие учебные заведения, так как именно их количество и специализация, образовательный потенциал, направленность и интенсивность научной, исследовательской деятельности, ее ориентация на потребности города, региона определяют уровень интеллектуального и профессионального воспроизводства городского населения и повышают политический, экономический, культурный потенциал города.

Оренбург, являясь областным и административным центром, аккумулирует в себе самые значимые ССУЗы и ВУЗы области. В городе насчитывается 41 ССУЗ, из них наибольшей популярностью среди поступающих пользуются Гуманитарный юридический колледж ОГУ, Оренбургский колледж статистики, экономики, информатики, Оренбургский областной медицинский колледж и многие другие. Высших учебных заведений – 17, среди них Оренбургский государственный университет, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбургский государственный аграрный университет, Оренбургская государственная медицинская академия, Оренбургский государственный институт искусств имени Л. и М. Ростроповичей и другие [1].

В настоящее время приоритетными направлениями развития системы образования в городе Оренбурге являются:

- повышение доступности и качества образования всех уровней в соответствии с требованиями современной экономики, потребностями общества и личности;
- стимулирование инновационной деятельности общеобразовательных организаций,
- распространение образцов работы педагогических коллективов;
- совершенствование системы работы с талантливыми детьми и подростками;
- расширение системы целевой подготовки и переподготовки кадров для всех отраслей экономики;
- проведение интеграции вузов и создание «центров» новых идей и прорыва технологий;
- модернизация дошкольного образования, обеспечение его доступности;
- сохранение и укрепление здоровья обучающихся всех типов общеобразовательных учреждений и др.

В целях реализации данных направлений в городе проводятся всевозможные конкурсы, олимпиады и другие мероприятия, призванные стимулировать интерес учащихся к образовательному процессу и собственной исследовательской деятельности. В Оренбурге проведена 21 городская предметная олимпиада обучающихся начальных классов. Постоянно повышается эффективность участия учеников городских школ в областных,

региональных, всероссийских олимпиадах. В городе также постоянно действует система выявления, поддержки и поощрения одаренных детей, в рамках которой обучающиеся получают стипендии Губернатора Оренбургской области, муниципальные именные стипендии.

Обучающиеся также активно привлекаются к всевозможным общегородским областным и всероссийским программам и мероприятиям, как например: слет волонтеров и добровольцев «Время действий»; месячник, посвященный Дню защитника Отечества; фестиваль детского и юношеского художественного творчества, посвященный Десятилетию детства; акции «Бессметный полк», «Георгиевская ленточка» и мн. др.

Не смотря на то что система образования в городе Оренбурге активно работает в направлении включения отдельной личности в культурно-образовательное пространство на основе формирования у отдельного индивида неразрывности связей областей культуры и образования, нельзя сказать, что данная деятельность не сталкивается с определенными проблемами. Как представляется, в городе Оренбурге наблюдается институциональная разорванность между образованием и культурой. Данная ситуация прослеживается у жителей города, в большинстве своем относящих учреждения культуры к области отдыха и развлечения, поэтому никак не настроенных на восприятие культурной деятельности как образовательной. На уровне муниципальных, областных структур также можно проследить некую нескоординированность действий, когда системы управления образования и культуры в городе осуществляют свою политику без ориентации друг на друга.

Таким образом, перефразируя авторитетного исследователя А. Я. Мурзину можно утверждать, что «в контексте идеи развития культурно-образовательного пространства открываются перспективы поиска форм, способных аккумулировать человеческий потенциал города, поддерживать и стимулировать инновационную направленность развития территории, формировать продуктивную социокультурную среду, совместно использовать потенциал систем образования и культуры» [3]. Значит, необходимость формирования единого культурно-образовательного пространства города на основе его специфических характеристик требует дальнейшего детального исследования с точки зрения междисциплинарного подхода, включающего разработки в области педагогики, культурологии, социологии, философии и др.

Список литературы

1. Высшее образование в г. Оренбурге // Город Оренбург: официальный интернет-портал. Режим доступа: http://orenburg.ru/activities/education/higher_education_orenburg/ (дата обращения: 21.04.2020).

2. Гатальский, В.Д. Культурно-образовательное пространство как социально-педагогическая система / В.Д. Гатальский // Педагогика. – 2012. – №6. – С. 25-29.

3. Мурзина, И.Я. Концепция развития регионального культурно-образовательного пространства / И.Я. Мурзина // Человек в мире культуры. – №3. – 2013. – С. 3-14. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-razvitiya-regionalnogo-kulturno-obrazovatel'nogo-prostranstva> (дата обращения: 21.04.2020).

4. Орлова, Е. В. Культурная сфера как фактор, определяющий образ города Оренбурга / Орлова Е. В. // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. науч.-метод. конф., 31 янв.-2 февр. 2018 г., Оренбург / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования "Оренбург. гос. ун-т". – Оренбург: ОГУ, 2018. – С. 1652-1660. Режим доступа: <http://elibrary.osu.ru/handle/123456789/5801> (дата обращения: 21.04.2020).

5. Орлова, Е. В. Социокультурное пространство: к определению понятия / Орлова Е. В. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2017. – № 7 (81). – С. 149-152. Режим доступа: www.gramota.net/materials/3/2017/7/39.html (дата обращения: 21.04.2020).

6. Порозов, Р.Ю. Культурно-образовательное пространство города: монография / Р.Ю.Порозов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. – 174 с. Режим доступа: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/5978/1/mon00098.pdf> (дата обращения: 21.04.2020).

7. Постановление администрации г. Оренбурга «О внесении изменений в постановление администрации города Оренбурга от 21.11.2014 № 2806-п» // Город Оренбург: официальный портал. Режим доступа: http://orenburg.ru/activities/tselevye_programmy/sotsialnaya_sfera/obrazovanie/MP%20Molodoj%20Orenburg_2015-2020.pdf (дата обращения: 21.04.2020).

8. Шесть оренбургских школ вошли в ТОП-500 образовательных учреждений страны // Портал Регионального информационного агентства «Оренбуржье» RIA56.ru. Режим доступа: <http://ria56.ru/posts/93845738475687365.htm> (дата обращения: 21.04.2020).

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА

Скопинцева Т.Ю., кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Мое рассуждение об особенностях коммуникационной природы культуры русского постмодерна родилось спонтанно, когда с экрана TV ко мне стали обращаться актеры, обыватели, дети и старики, которые (вместе и по отдельности) призывали меня соблюдать правила самоизоляции. Вся мощь их коллективных усилий (почему-то) не находила у меня отклика и вызывала вопросы. Их обыденный образ, нейтральность статуса, отсутствие каких-либо *красок* (особых знаков культуры, останавливающих мой взгляд) обращали мою мысль за рамки этой заявленной режиссерской посылки...

В истории культуры повеление, призыв, приказание, получавшие отклик у народа всегда опиралось на образы и смыслы, сформированные на основе традиционных ценностей. Все противоречащее традиционному мировоззрению работало по модели «антирекламы». Традиционные ценностные основания сохранялись в религиозной или обыденной, повседневной народной культуре и работали на создание традиционных образов и смыслов, закреплялись в повседневной культуре. Как ценностные константы сохранялись в традиционной мифологии? Они *срабатывали* на уровне обыденного восприятия мира, проявлялись в повседневных практиках. Жрец, идеолог, вождь, профессионал в культуре традиционного типа действовал в согласии с традиционным мировоззрением и вводил новации, не разрушающие или *мягко* обновляющие традиционное содержание. Сохранность традиционных образов и смыслов в истории культуры каждого народа, с одной стороны, обеспечивала устойчивость культуры, с другой – помогала сохранению изменений, диктуемых временем и не противоречащих исторически сохраненному содержанию. Обновленные формы культуры, рождающиеся на основе таких трансформаций, мы можем наблюдать в образах и смыслах жрицы-девы-матери в вышивке русского обрядового полотенца; образе Родины-Матери – в плакатной культуре молодой советской страны; в супер-метафорах Родной Земли (которой ни пяди не отдадим) и Русского Мира.

В практике повседневности происходит адаптация традиционных форм к прагматике, приземленности быта, Постоянная тенденция профанирования (упрощения, оповседневнивания) сакральных оснований народной традиции в истории российской культуры ярко проявлялась в «роковые» минуты жизни страны. Такие явления мы можем наблюдать в период петровских трансформаций или в советской культуре тридцатых-пятидесятых годов [2], когда отдельные новые элементы обретали атрибут святости (бюст вождя, знамя страны, клятва верности долгу). Форма и содержание в подобной модернизации не должны были порождать внутренние противоречия. Сложившаяся на этой основе система существовала в (достаточно или

относительно) устойчивом равновесии старого и нового. Она обеспечивала относительную гармонию внутренних и внешних элементов культуры. В случае противоречия новой формы традиционному содержанию складывалась бинарная структура, пробуждался традиционный культурный механизм на основе бинарных оппозиций [1]. Он обращал человека и социокультурную систему в целом к глубокой архаике, служил воспроизводству традиционных форм мировидения, опирался на *аффектность* восприятия мира. Бинарная культура и двойное кодирование¹ в российской культурной практике сохраняется до нашего времени.

Опора на эмоцию, аффект хорошо соединяется с игровым началом бытия. Восприятие внешнего контура культуры, напрямую не связанного с человеком и его семьей, родом (городской, заморской, чиновничьей, властной и профессиональной культурой), в этом случае оценивалось как нечто меняющееся, несущностное. На этой основе складывался особый тип поведения, где игра, хитрость, ловкость во взаимодействии с такой несущностной формой не оценивались как нечто наказуемое. Игровая практика органично воспроизводилась в повседневном поведении. Жесткость нормативной (законодательной) базы в таком подходе расценивалась как необязательность, что отражалось в народной мягкости восприятия внешнего мира (в пословицах и поговорках: «война план покажет», «где суд, там и неправда», «бабушка надвое сказала» «жесткость наших законов смягчается необязательностью их исполнения»... и т.п.). Традиционный тип действия в культуре связан с активизацией традиционного познавательного образа (как инструмента освоения мира). Он основывался на обращенной в архаику природности, телесности и чувственности. Триггером для пробуждения этих элементов культуры становился внешний вызов (со стороны иной культуры или инобытия во всем его многообразии). Этот процесс сопровождается появлением новой мифологии. В фольклорно-этнографических экспедициях мы записывали многочисленные легенды, вдруг рождающиеся в периоды культурных потрясений [4].

Активизация игрового начала закреплялась не только на уровне повседневности, но и в официальной и профессиональной среде. Игровая природа культуры русского типа выражалось в маскарадности, карнавальности, барочности, вычурности. В русской истории – это высокое и низкое барокко петровской эпохи, специфика городской культуры, культуры русской интеллигенции. В художественной культуре русского постмодерна маленькая девочка, с экрана телевизора публично наказывающая что-то своей бабушке и предписывающая ей какой-то тип действия; незнакомый человек, возможно, актер (узнаваемый или нет), что-то нам предписывающий; вереница каких-то персонажей, всерьез не воспринимаемых зрителем – все это знаки повседневного карнавала. Ответ на вызов, брошенный социокультурной

¹ Двоеверие, диглоссия при принятии христианства; раскол социокультурной системы на высокую – городскую, дворянскую, профессиональную, и низкую – крестьянскую, колхозную, периферийную.

системе, это пробуждение театральности, оформление театральной культуры. Художественная форма становилась знаком эпохи.

Нам хорошо известен голос Ю.Б. Левитана, ставший воплощением нашей стойкости и мужества всей страны. Точное попадание в резонанс эпохи – это голос Муслима Магомаева или Георга Отса. Магия голоса Левитана соотносится с мощью проблемы и необходимостью демонстрации красоты и силы, востребованной народом. Голос М. Магомаева, Г. Отса, А. Пугачевой – маркеры советской эпохи. Масс-медиа контент этих голосов – это гармония формы и содержания. Содержание их творчества может стать художественным текстом для анализа культуры целой эпохи. Что значат для нас, слушателей, *реципиентов* телеобращения, звучащие сегодня из уст актеров, лицедеев разного уровня и ранга? Призывы рациональны. Возможно, необходимы. Сам собой сформировался вопрос – кто к нам взывает? Актер или обыватель с экрана телевизора не предлагает нам посмотреть новый фильм. Предписания в форме императива изрекает не мудрец, не учитель, не врач. Актер получает трибуну для направления движения всей социокультурной системы, но его экранный образ выходит за рамки актерства. Он *входит* в наш дом в своем обычном, повседневном образе. Мы дома, он – у нас в гостях. Не учитывается ни традиционное представление обывателя о госте, лидере, герое, который может направлять социокультурное действие в нужное направление, ни представление о функционере-профессионале, решающем проблемы государства. Нет и возможного в таком случае художественного образа, постановочной мизансцены, режиссерского взгляда, метафоры (механизме коммуникации, *тележки* для перевозки смысла). На экране человек, которого мы не знаем, знание о котором нам выдавали только его сценические образы. Он получил статус лидера, учителя, проповедника. Кто возложил на него эту задачу? Кто проповедует истины?

Такая постановка вопроса формулирует для исследователя только одну сторону проблемы. Вторая часть подобной коммуникационной структуры ставит вопрос о том, как эта новая роль (лидера, трибуна) принята новым проповедником, актером, ребенком? Почему она не вызвала у него возражений? Если же возражения есть, почему получено согласие на выступление в этой роли? Надо добавить, что с экрана к нам взывает не только актер, но и ребенок. По отношению к ребенку такой вопрос избыточен. В игре, в особом *социальном маскараде* он *превращается* в проповедника. Реакция взрослого человека (ставящего задачи и выполняющего их) свидетельствует о кризисе идентичности и идеалов, на которых она формируется. Профанация в постановке проблемы вызывает соответствующую реакцию зрителя.

Традиционная народная философия, мудрое крестьянское самосознание не осуждает актера или ребенка, примерившего на себя не свойственную ему роль. В культур-антропологическом анализе С. Адоньевой приводится высказывание крестьянки, сочувствующей поведению односельчанина, выдавшего властям священника, скрывающегося в городе в период гонения на церковь. На вопрос, как же вы могли не осудить человека, совершившего явно

дурной поступок и обрекшего другого на муки, она ответила: «Глупый!» Мудрый человек следует традиции. Отсутствие мудрости в крестьянской традиции не наказывается. Глупость в крестьянской оценке – это болезнь роста, свойственная детству и юности. Её можно и нужно преодолеть. Такое (мудрое) отношение мне встретилось в одной из экспедиций в села Оренбургской области, когда младший дал совет старшему в ситуации, когда этого не требовалось. Разрешение проблемы не требовало советчика, но мальчик-пионер постарался стать примером для своего дядьки. В послевоенные годы, когда традиционное поведение еще востребовано, бессмысленный (глупый) совет младшего поставил взрослого мужчину в тупик. Действовать пришлось так, как положено, как и посоветовал племянник. Неразумное поведение младшего заставило старшего переживать. Нетрадиционная ситуация требовала обсуждения. Вечером *дядька* рассказал о поведении племянника соседу, мужики почесали затылки и оценили поведение пионера Вани как несоответствующее традиции, *культурное*, глупое. После этого случая вся деревня младших детей в этой семье стала звать «культурята» [4].

В обращенных к нам с экрана телеимперативах мне видится практика «пионера Вани», незнание традиции и отсутствие должного профессионализма. Профессионал – лидер современной культуры. Современный лидер – это и автор, и режиссер, создающий текст и организующий его трансляцию. Анализ взаимодействия автора и читателя, режиссера и зрителя можно найти в многочисленных работах лингвистов, философов, культурологов. Структура такого взаимодействия раскрывается в цепочке взаимодействия адресата и адресанта [3]. В анализе Ю. Лотмана дан анализ взаимодействия художественных и нехудожественных (профессиональных и обыденных) форм. Автор рассуждает о функции художественного и нехудожественного текста в культуре. Нехудожественный текст обращен *ко всем*, к самой широкой публике – такую характеристику можно дать и нехудожественной форме культуры в целом. Нейтральный статус такой формы позволяет её не замечать, не обращать на неё внимание. Так надпись на одном из домов «При обстреле эта сторона улицы более опасна» для большей части тех, кто проходит сегодня по улице, остается незамеченной. Иные правила у художественного текста. В художественной форме и любовное стихотворение, и интимный дневник, и любовная проза становятся доступными не только тем, кому они были адресованы. Сущностным признаком художественного текста можно считать потенциал свободы оценок и отношений к каждому компоненту системы коммуникации (у читателя, зрителя, слушателя). В этом случае возможно расхождение между формальным и реальным адресатом, автором и читателем (зрителем). Функции автора текста (адресанта, донора), диктора, актера (функционера, профессионала) и адресатов (реципиентов, зрителей, слушателей) различны и разнонаправлены. Содержание и форма передачи, визуальные и аудиоинструменты, мастерство и харизма каждого в ней работают на задачу, поставленную автором, или минимизируют результат. И театральный зритель, и обыватель у экрана телевизора, и ребенок, слушающий

мамину сказку, может утратить внимание, уйти, отвлечься, заснуть... Режиссер спектакля, автор художественного произведения, мама у кровати ребенка, обязательно учитывают это. Организация призыва-императива с экрана ТВ также требует осмысления, тонкой работы, знания своей истории, в которой исторически рождались образы и смыслы, заявленные в обращении.

Список литературы

1. Иванов, В.В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – 251 с.
2. Кондаков, И.В. Культурология: История культуры России: Курс лекций / И.В. Кондаков. — М.: ИКФ Омега-ЛЖ; Высшая школа, 2003. — 616 с.
3. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб., 1998. С. 14–288. – URL: <https://www.ruthenia.ru/lotman/papers/sht/> (дата обращения: 20.04.2020).
4. Скопинцева, Т.Ю. Народная традиция как элемент культуры: монография / Т.Ю. Скопинцева. – Оренбург: ОГУ, 2018. – 86 с.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ МУЗЫКИ

Шейбак В. В., студент

Парусимова Я. В., кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Исследование когнитивных процессов – одно из наиболее актуальных и перспективных направлений развития многих отраслей современной науки. Это очень широкий спектр вопросов изучения восприятия, памяти, мышления, воображения и их влияния на процессы обучения, коммуникации, социализации. Для нас представляют интерес исследования особенностей восприятия музыки.

Для лучшего понимания обратимся к содержанию термина восприятие. Новая философская энциклопедия трактует восприятие как «чувственное познание (субъективно представляющееся непосредственным) предметов (физических вещей, живых существ, людей) и объективных ситуаций (взаимоотношения предметов, движений, событий)» [5]. Можно привести ещё одно определение: «Всякий опыт в той мере, в какой он носит сознательный характер; всякое сознание в той мере, в какой оно носит эмпирический характер» [3, С. 108].

Восприятие основывается на ощущениях, но в отличие от них осуществляется в совокупности с опытом, процессом осмысления, памятью, мышлением и является целостным отображением предмета [4, с. 9]. Именно этот факт даёт учёным основание называть восприятие перцептивной системой человека. Так, во время прослушивания музыки человеческое восприятие сопровождается некоторыми двигательными компонентами: движением глаз, губ, конечностей. Это делает его активно воспринимающим (перцептивным) субъектом. Опыты в области психолингвистики говорят о том, что прослушивание классической музыки, в частности, произведений венских классиков Гайдна, Моцарта, Бетховена, заставляют наш мозг воспринимать звуковой ряд в соответствии с целостным представлением о предмете, то есть человек не фрагментирует какие-то музыкальные такты или темы, а воспринимает произведение в целом, понимая его характер.

Рассмотрим отдельные свойства восприятия в приложении к музыке: предметность, целостность, структурность, константность, осмысленность, избирательность [1, с. 110]. Не вдаваясь подробно в описание каждого из перечисленных свойств, хочется отметить, что применительно к музыке имеет большое значение первое свойство восприятия – предметность. Это связано с тем, что оно не является врождённым, а может развиваться только в процессе онтогенеза уже в первые годы жизни ребёнка. Поэтому так важно в ходе воспитания и развития ребёнка прививать ему вкус к классической и духовной музыке. Как отмечают некоторые исследователи-психолингвисты, есть гипотеза о возникновении речи именно из музыки [6, с. 43]. И недаром в число

обязательных занятий у философов Древней Греции входило обучение игре на музыкальном инструменте.

Что касается другого свойства восприятия, целостности, то здесь можно условно разделить всё человечество на «слушателей» и «профессионалов». Как следует из характеристик данного свойства, человек-слушатель, даже не имея возможности получить целостную картину музыкального произведения, может мысленно достроить её, полагаясь на собственный опыт. Но что делать, если этот опыт отсутствует в отношении классической музыки? Это утверждение справедливо для большей части наших современников. Во всем мире до сих пор высоко ценится русская фортепианная школа. Но вот парадокс: именно в нашей стране активно снижается не только количество людей, понимающих классическую музыку, но и тех непрофессионалов, которые составляют категорию «слушателей». Правомерно, на наш взгляд, в связи с этим поставить вопрос о включении системы музыкального образования в состав национального проекта России. Определенные действия в этом направлении осуществляются такими деятелями искусства, как М. Хохлов, Д. Мацуев, Е. Мечетина.

Структурность восприятия означает, что при прослушивании музыкального произведения его целостное восприятие происходит не мгновенно, а лишь в результате выстраивания всего музыкального ряда. Чтобы в этом убедиться, каждый может провести простой опыт: если человек не совсем чётко произнесёт фразу, то слушатель через некоторое время – обычно это несколько секунд – всё же поймёт её смысл. Понятно, что мы слышим не столько ушами, сколько мозгом, обрабатывающим информацию только ему известным способом. Видимо, поэтому Бетховен, будучи многие годы на грани глухоты, а затем совершенно глухим, сумел создать величайшие музыкальные произведения, потрясающие своим звучанием, как, например, пятая симфония композитора.

Музыка, представляя собой звуковую волну, способна оказывать непосредственное физическое воздействие на материю, ткани, клетки. Являясь отражением ритма Вселенной, выражением ее гармонии, музыка способна организовывать мыслительный процесс, влиять на психоэмоциональное состояние. Подобное понимание музыки сложилось ещё в Античности и Древнем Востоке. На сегодняшний день в ходе многих экспериментов было доказано благотворное воздействие музыки, в особенности классической, на работу коры головного мозга обоих полушарий. Именно структурно организующее, упорядочивающее влияние.

Следующее свойство восприятия – константность. Здесь очень важное значение приобретает динамическая связь между слушателем, произведением и условиями восприятия. Для музыки это свойство имеет одно из кардинальных значений в силу того, что основывается на наших личных установках и эмоциях, а ведь именно они влияют на результат восприятия. Без определенной подготовки невозможно адекватное понимание музыкального произведения. Приведем в пример «Ссору» С. Прокофьева. При первичном прослушивании у

неподготовленного слушателя может сложиться впечатление о какофонии и бессмысленном наборе звуков. Изучая это произведение в бытность учеником музыкальной школы, автор получил от педагога картину создания произведения и привязку к зрительному образу. «Ссора» — это описание действий мальчиков, играющих в войну. В процессе игры они ссорятся, толкают друг друга. Отсюда в музыке появляются диссонансирующие элементы. Именно визуализация музыкальных образов создаёт соответствующий эмоциональный фон восприятия произведения и наполняет музыку внутренним содержанием и смыслом. Потому так важно, на наш взгляд, развитие у молодого поколения умения слушать серьезную классическую музыку.

Пожалуй, лучше всего об этом рассказал наш современник, скрипач и активный популяризатор музыки М.С. Казиник. Когда он давал один из своих первых концертов в деревенской глубинке в Швеции, после концерта к нему подошёл старый фермер. Со слезами на глазах он сказал, что собирался уже умирать, так и не услышав свой любимый квартет Бородина в живом звучании. И далее маэстро пишет: «А я подумал, доживу ли я до того, чтобы в моей стране поговорить с фермером о Втором квартете Бородина» [2, с. 24].

Такое свойство, как избирательность в восприятии музыки, также связано с предыдущим опытом, с уровнем подготовленности слушателя. Именно от его установок и мотивации зависит, на чем именно будет сосредоточено внимание, а что ускользнет или останется лишь фоном. Неопытный слушатель слышит только организованный набор звуков. В то время как подготовленный слушатель или специалист услышат мелодию, темп, настроение, драматургию, разгадают символические образы. Только так можно увидеть картину, постичь глубокий смысл музыкального произведения.

Говоря о следующем свойстве восприятия – осмысленности, важно отметить, что восприятие музыки — это в значительной степени интеллектуальный процесс. Один из основателей эстетической науки А. Баумгартен полагал, что эстетическое познание как чувственное познание мира является основанием, «низшей способностью» любого познания вообще [7, с. 119].

Подводя итог, следует сказать о необходимости расширить возможности знакомства молодого поколения с произведениями музыкальных классиков, вести работу по популяризации этой области искусства, увеличить сферу начального музыкального образования. На наш взгляд, именно классическая музыка способна благотворно влиять на развитие художественно-эстетического вкуса, на формирование чувства прекрасного, на осмысленное существование. Поскольку, по нашему мнению, целенаправленное, систематическое занятие музыкой — это не столько обучение игре на музыкальном инструменте, сколько знакомство с мировым музыкальным наследием, работа над богатством и разнообразием интеллектуального багажа человечества.

Список литературы

1. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 4-е изд., расширенное. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – 811 с.
2. Казиник, М.С. Тайны гениев / М.С. Казиник. – М.: АСТ, 2018. – 320 с.
3. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь: словарь / А. Конт-Спонвиль ; пер. с фр. Е.В. Головиной. – М.: Этерна, 2012. – 751 с.
4. Маклаков, А.Г. Общая психология / А.Г. Маклаков. – СПб., 2001. – 498 с.
5. Новая философская энциклопедия. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1-4. — 2816 с. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01169f50a869a638698d4d16?p.s=TextQuery> (дата обращения 22.04.2020).
6. Торопова, А.В. Интонирующая функция психики в генезисе музыкального сознания / А. В. Торопова // Развитие личности. – 2011. – № 3. – С. 40-61.
7. Цит. по ст.: К вопросу о новых тенденциях прагматической эстетики / Коломиец Г. Г. // Вестник Оренбургского государственного университета, 2014. – № 7. – С. 119-123.